

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Л. М. Григорьев¹

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 94(47) 05

ПЕТР ПЕРВЫЙ — ЦАРЬ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Размах личности Петра Первого ставит проблему логики проведения им масштабных реформ в практическом плане. Она началась вместе с войной, совпала по времени с войной и в ряде ключевых вопросов определялась необходимостью ведения войны, вооружения и снабжения армии, перестройки управления. Внимание к его реформам связано не столько с юбилеем Петра I в 2022 г., сколько с важностью понимания исторического пути России и формирования культурного кода страны под воздействием его реформ. Начавшись с умеренной цели открытия «окна в Европу», после 1714 г. административные реформы стали более широкими и комплексными. Логика реформ детерминировалась не только стремлением в Европу и не телеологией создания империи. Речь идет о прагматической необходимости использовать окно возможностей для выхода из «кольцевой колеи» обширной лесной державы, сжатой тремя имперскими (независимо от титулов) соседями иных вероисповеданий — Турцией, Польшей и Швецией. Ход и потребности Северной войны в большой степени определили характер реформ, а успех войны привел к формированию империи. В статье формулируются возможные альтернативные пути развития России на рубеже XVI–XVII вв., используется свойственная новой институциональной экономической школе методология сопоставления дискретных структурных альтернатив применительно к «развилкам», стоящим на пути страны и героя статьи в двух критических временных точках. Результаты реформ и войны дали стране шанс на развитие, хотя масштабный переход в эти сжатые сроки и в условиях войны к более зрелым европейским социально-экономическим институтам не осуществился и не мог быть реализован.

Ключевые слова: Петр Первый, реформы, структурные альтернативы, культурные коды, Северная война.

Цитировать статью: Григорьев, Л. М. (2023). Петр Первый — Царь догоняющего развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 20–44. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-2>.

---

¹ Григорьев Леонид Маркович — научный руководитель департамента мировой экономики, НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

L. M. Grigoryev
HSE University (Moscow, Russia)
JEL: N13, N43, N53, O43, O52

PETER THE GREAT — THE KING OF CATCHING UP DEVELOPMENT

The scope of the personality of Peter the Great questions the logic of his large-scale reforms in practical terms. It began along with the war, coincided with the war, and in a number of key issues was determined by the need to wage the war, arm and supply the army, and restructure its management. Attention to his reforms is connected not so much with the anniversary of Peter I in 2022, but with the need to understand the historical path of Russia and to form the country's cultural code under the influence of his reforms. Starting with a humble goal of opening a “window to Europe”, after 1714 administrative reforms became more extensive and comprehensive. The logic of the reforms was determined not only by the aspiration to Europe and not by the teleology of creating an empire. It was more about the pragmatic need to use the window of opportunity to get out of the “ring track” of a vast forest power squeezed by three imperial (regardless of titles) neighbors of other faiths — Turkey, Poland and Sweden. The course and needs of the Northern War to a large extent determined the nature of the reforms, with the success in the war resulting in the formation of the empire. The paper formulates possible alternative ways of Russia's development at the turn of the 16th–17th centuries, uses the methodology inherent in the new institutional economic school to compare discrete structural alternatives that stand in the way of the country and the hero of the article at two critical time points. The reforms outcomes and the war gave the country a chance for development, though a large-scale transition to more mature European socio-economic institutions could not be implemented in this short period and under war conditions.

Keywords: Peter the Great, reforms, structural alternatives, cultural codes, Northern war.

To cite this document: Grigoryev, L. M. (2023). Peter the Great — the king of catching up development. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 20–44. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-2>.

Российская норма: «Умри, но сделай!»

Россия между Иваном III и Петром I — два века «кольцевой колени»

Принципиально важно охарактеризовать стартовую точку российского выхода на европейскую, а далее и на мировую арену из лесов и рек Русской равнины. Эпоха Ивана III с его выходом России из-под монгольского ига, женитьбой на византийской принцессе Софье и идеей Третьего Рима (после трагедии падения Константинополя) представляется

рациональным исходным пунктом. При всем почтении к Великому князю Московскому государство у него было большое по площади и населению (в пределах Центрального и Северо-Западного федеральных округов России). Оно было преимущественно лесное (кроме Владимиро-Суздальского ополья), а городов, промышленности и ремесел в его пределах имелось весьма немного. Врагов же у него было более чем достаточно: наследники Золотой Орды, Крымское ханство на юго-востоке, Польша с Литвой на западе и Швеция на северо-западе. Турецкая империя широкими шагами продвигалась в Европу через Балканы; Польша пыталась консолидироваться «от моря до моря».

Территория была меньше и победнее, чем при Ярославе Мудром. Важная проблема была и долго оставалась: у Московии не было металлов — ни хорошего железа, ни меди, ни серебра, которые появились только с освоением Урала. Подчинение Великого Новгорода Москве укрепило централизацию ресурсов, но скорее обеднило разнообразие страны. При всем уважении к трудам народа, князей, великих иконописцев за два века до Петра не удалось обрести мир на границах, поднять благосостояние и культуру и наладить дороги, как впрочем, и в предыдущие полтысячелетия.

Историческая память у княжеской, церковной элиты и их окружения о «добатыевых» временах давала мало утешения. Происходили постоянные стычки на западных границах, раз в столетие появлялись новые переселенческие племена из Азии — на южных и восточных. Походы варяжских князей Руси на Константинополь, Хазар, Балканы происходили еще до Крещения Руси, эта слава и доходы были в далеком прошлом. Низкая интенсивность международных сообщений после перекрытия кочевниками пути «из варяг в греки», потом уход викингов на контроль территорий в Западную Европу, ослабление и падение Византийской империи еще больше изолировали Русь на восточной окраине Европы.

Для себя отметим, что менталитет этого тонкого слоя элиты: княжеских семей, дворов, дружин, священников и монахов, наверное, купцов, — формировался за период семи–восемь веков борьбы со степью (в течение пяти веков еще до Батые), варяжской военной культуры, православия и византийского влияния — примеры императорского правления были перед глазами. Эта удивительная смесь, возможно, дала уникальную амальгаму гордости, фанатизма, фатализма со сдвигом весов этих трех ингредиентов сверху вниз в обществе в пользу упрямства и фатализма. Мы далеки от недооценки роли Орды, сложного взаимодействия с Великим Княжеством Литовским. Но хотим подчеркнуть важную (иногда ускользающую) роль длительного взаимодействия со Степью, Византийской империей как в формировании сознания элит, так и в народной памяти. В конце концов героические сказки в значительной степени — это домонгольский период (Пропп, 2021), а потом — это истории стоицизма, упорства,

героизма при сопротивлении новому порядку, что предполагает наличие более раннего кода.

Давление католической Европы на северо-западе удалось отбить князю Александру Невскому и князю Довмонту (он же Св. Тимофей Псковский) во второй половине XIII в., Литве (плюс соперничество Ордена с Польшей и т.п.) и племени язычников пруссов, практически погибшему от «цивилизованных соседей». За эти века удалось сохранить православную веру и собственное управление (ограниченный суверенитет), в особенности благодаря Александру Невскому. И российская элита, и общество стремятся сберечь сохранившиеся от тех времен элементы культуры, менталитета, или же обобщенно социально-культурные коды. Ослабление Орды, конкуренция с ней Крыма и Куликовская битва дали постепенно некоторое облегчение. Государство в общем умело драться в отдельных сражениях, но оно не было в состоянии обеспечить устойчивую безопасность своих границ и рост благосостояния населения ни в менеджериальном, ни в технологическом плане. За века жители приобрели привычку переносить тяготы, воевать без больших перерывов, нести тяжелые потери, выдерживать оборону при малых шансах на выживание. Это потом нашло воплощение в образе «удивительного русского солдата» как части культурных кодов или, по крайней мере, легенды.

Стоило Ивану III попытаться открыть окно в Европу, как последовали эмбарго 1490-х гг. со стороны Польши, Швеции и Ганзы: «С 1495 г. был запрещен ввоз меди, свинца, чугуна и проволоки из всех ливонских городов, а в 1498 г. к запрещенным товарам добавились пушки, кольчуги, латы, селитра...» (Хорошкевич, 1980, с. 38). А во время контроля над Нарвой в 1559 г. Иваном Грозным шведский король Густав I Ваза и польский король Сигизмунд I Август обратились за помощью к папе римскому, английской королеве Елизавете и другим европейским государствам, настаивая на прекращении торговли в Нарве, говоря о русском правителе: «...благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей» (Зимин, 1982, с. 29).

После завоевания при Иване IV порта Нарва (находился под контролем Русского государства в 1558–1581 гг.) торговля пошла, но попытки удержать порт провалились по причинам как внутренним (репрессии при Иване Грозном, опричное разорение), так и внешним. Война на два фронта чуть не кончилась катастрофой в 1571–1572 гг. в связи с атакой со стороны Крымского ханства. Земец Воротынский с опричником князем Хворостининым в битве при Молодях победили несмотря ни на что, а то страна и до Смуты не дотянула бы. Постоянные войны на границах, разрушение селений и крепостей, увод народа в полон в XV–XVII вв. (как и ранее) подрывали воспроизводство и населения, и благосостояния. Трудно поработать с числами и описать эту экономику, но можно согласиться, что помимо строительства монастырей, храмов и укреплений мы не видим

создания более устойчивой дорожной инфраструктуры, развития широких ремесел (кроме Пушечного двора). У страны не было ни спокойных границ, ни устойчивой армии, ни широкой торговли на старте программы Ивана III на момент освобождения от Орды. Она включала в себя попытку прорыва к портам на Балтике, оборонительные усилия и союзы на южных границах, что реализовалось два века спустя при Петре Первом.

В. О. Ключевский очень ясно объяснил (1956, т. II, с. 211), как ежегодно примерно 65 тыс. вооруженных мужей обороняли южные границы (в общем недалеко от Москвы — по реке Оке) с апреля до сентября. Отметим, что эти вынужденные выходы на фронт происходили каждый год и отвлекали лучших людей на войну: «В продолжение XVI в. из года в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общезнании, в науках и искусствах» (Ключевский, 1956, т. II, с. 214). Мы полагаем, что аналогичные действия властей по охране южных границ Руси — Московского княжества и царства протекали и до, и после указанного периода.

В историях о Средневековой Европе нам очень нравятся рыцарские турниры, кодексы чести, рыцарские романы и служение дамам. Но нас в этом отношении интересует баланс времени военного класса — у них было время на культурное развитие между войнами. Российское дворянство (с боевыми холопами и мужиками) преимущественно воевало, зимовало, снова воевало, защищало города и опять отправлялось на границу как минимум раз в несколько лет. Между 1492 и 1595 гг. войны заняли 50 лет (Ключевский, 1956, т. II, с. 208). В. О. Ключевский пишет о XVI в., но вряд ли ситуация была сильно иной (для культурного и хозяйственного развития) до или после XVI в.

Нация формировалась и жила в ситуации, когда война, а не мир была нормой жизни государства, селений и семей. Стойкость, надежность, терпение и готовность умереть культивировались жизнью — наши нормы написаны кровью трагических событий истории, легендами и песнями о них. Так со времен хазар за тысячу лет и сформировались стойкий русский солдат и героический командир, воевода Шеин (прославившийся при обороне Смоленска в 1609–1611 гг.), петровские командиры, генералиссимус Суворов, хотя неровный состав командующих офицеров обогачивался нередкими поражениями.

Изнурительная постоянная оборона границ вела к тяжелым потерям населения, жизни и времени талантливых людей, труда и материальных

активов. В современных терминах это означает постоянные высокие военные расходы, издержки на восстановление разрушенных городов, выкуп пленных. Этот образ жизни формировал огромное терпение, фатализм и самопожертвование, упорство в перенесении тягот. Условий, ресурсов и времени для «самовыражения», неторопливого развития права и свобод — на языке социально-культурных кодов — было крайне мало. Отсюда характерные элементы национального характера в поговорках: «Сам погибай, а товарища выручай!» и «Умри, но сделай!». Если искать художественную форму передачи и фиксации кодов, то это «Слово о Полку Игореве» и «Задонщина», призывы Сергия Радонежского, Козьмы Минина и Авраамия Палицына, «Бородино» Михаила Лермонтова, «Полтава» Александра Пушкина, «Тарас Бульба» Николая Гоголя, вся литература о помощи сербам и болгарам.

Коренные особенности расселения и географии Московского княжества к концу XV в. во многом оставались теми же, что достались в 1696 г. Петру Первому. Разумеется, взятие Казани и Астрахани открыло дороги на Восток, торговля очень оживилась. Ретроспективно обычно вспоминают строительство монастырей и храмов, бесконечное восстановление и укрепление оборонительных сооружений и шедевры иконописи. Причина, провал в Ливонской войне, циклические смены побед и поражений с Польшей, разруха времен Смуты именно в центре страны во многом нивелировали приобретения и вложения ресурсов в инфраструктуру и человеческий капитал. Тридцатилетняя война и внутренние настроения в Польше, особенно демонстративное и упорное давление католицизма на православных и попытки подавления казачьего мира ослабили Речь Посполитую и раскололи Украину, отдав Москве левобережную ее часть с Киевом в 1654 г. на Переяславской раде. Относительно успешное «стабилизирующее» царствование царя Алексея Тишайшего при нелегком положении основной массы населения сопровождалось сменой побед и поражений в войнах с соседними империями, Соляным и Медным бунтами, восстанием Степана Разина.

Прежде чем перейти к структурным альтернативам Петра Первого на старте царствования предлагаем использовать для характеристики двух предшествующих веков термин «кольцевая колея». Под ней мы понимаем не просто «колею» зависимости от прошлого развития, что к данной эпохе вполне применимо. Кольцевая колея — это ловушка не только по направлению и воспроизводству характеристик развития, но и по «устойчивому» медленному вращению в предыдущих параметрах, без заметного прироста в развитии. Кольцевая колея России XVI–XVII вв. — зависимость от предыдущего развития, да еще и в повторяющемся режиме, со следующими свойствами.

Она была негативно устойчива, включала огромное отвлечение ресурсов на охрану границ и отражение набегов с юга и востока, нападений на погра-

ничные города с севера и запада, борьбу за возврат городов. Ресурсов на эволюционное развитие культуры и технологий в короткие мирные промежутки времени в борьбе с тремя сильными соседями не хватало — только на борьбу за «старину», «свои города и земли» и «царское достоинство». Военно-политические реалии и память о постоянных вторжениях, внешних и внутренних конфликтах порождали терпение к тяжести жизни, самопожертвование как регулярную необходимость и готовность к концентрации оборонительных ресурсов.

Ресурсы уходили на внутренние распри, хотя были перемены в управлении. Инерционное управление и интриги бояр, нестабильное престолонаследие, сохранение полупрофессиональной армии в формате семейных стрельцов обуславливали значительное замедление социально-политического прогресса; экспорт через посредников при эмбарго на импорт металлов (окольные пути и посреднические ренты) создавали столь большие потери, что их трудно оценить. Так что в современных терминах норма накопления была низкой, инфраструктура отставала, из «простого производства» выйти было трудно.

К воцарению Петра Первого мы видим не столь много научно-технического прогресса, хотя книги печатали и пушечный двор работал. Разрыв в развитии в XVII—XVIII вв. еще был относительно невелик — его можно было до какой-то степени закрыть импортом технологий, но мешали войны. Петру пришлось ставить заново «профессиональное и дополнительное» образования в современных терминах.

История России перед приходом Петра Первого — это жизнь нации между тремя империями: Шведской — на подъеме, Польской¹ и Османской — в начале упадка (в отношении последней это подчеркивает провал осады Вены в 1684 г.). Россия прижата к Северу и Сибири, но там развивались добыча пушнины и торговый транзит с иными странами, пока еще в отсутствие знаменитой много позднее добычи минеральных ресурсов. В 1619—1689 гг. происходило постепенное восстановление экономики на фоне Тридцатилетней войны в Европе, внутренних политических конфликтов (помимо внешних) в Польше. Если бы не проблемы со здоровьем в династии Романовых, то все так и шло бы в государстве — малыми шагами вроде отмены местничества. Примером может служить некоторое оживление ситуации перед и во время правления царевны Софьи с боярином Василием Голицыным. Ретроспективно мы видим невысокие урожаи (с учетом факторов почвы и климата), большие военные расходы на границе до Батяя, а потом до Ивана III сосуществование бремени двух рент (Орде и князю) на плечах работоспособного населения, потом снова войны до Петра.

---

¹ Конечно, Речь Посполитая не называла себя империей, хотя, по нашему мнению, контроль больших пространств и групп населения с другими языками и религиями был более жестким, чем в иной империи.

Ситуация на Западе несколько менялась к концу XVII в., создав несколько неожиданно «окно возможностей». Идея большой коалиции против турок принесла так называемый «Вечный мир» с Польшей 1686 г., который вернул Смоленск России¹. Но после Переяславской Рады 1654 г. были поражения на Западе и два поражения Голицына в Крыму. Так что после 200 лет после Ивана III мы видим скорее провал его программы на Балтике, тупик в Крыму, переменные успехи в военных конфликтах с Речью Посполитой.

У юного Петра при сложившемся режиме не было бы никаких перспектив как у правителя, кроме как продолжения движения в кольцевой колее по прежнему циклу. Образование будущего императора в селе Преображенском и в Немецкой слободе включало много вольностей, которых не было дано принцам крови во всей Европе. Но в нем не было места Адаму Смиту по естественным причинам (он родился в 1723 г.), так что трудно было надеяться, что удаленный от царского двора царевич станет либералом в экономических науках.

В стране оставалась низкой норма накопления — шел инерционный экономический рост за счет увеличения народонаселения, экстенсивного наращивания ресурсов. Медленное движение на Урал, в Сибирь и далее на восток давало торговые доходы. Ни о какой империи речь не велась. Стартовая объективная задача Северной войны была в сущности очень скромная: получать технологии без эмбарго у соседей и снять грабительскую ренту с экспорта на перевалках в Прибалтике.

Шведская империя стала угрозой позже Польской и Османской, но зато действовала более организованно и жестко, обладая собственной черной и цветной металлургией и не имея внутренних раздоров вроде польского «либерум вето». Соседние империи действовали по отношению к России в режиме игры с нулевой суммой. Исключение составляет эпизод попытки включения российских ресурсов в борьбу с Турцией при Царевне Софье и при Великом Посольстве Петра². Так что вся история того времени, если взглянуть из России, — это борьба трех империй (с конкурирующими религиями) друг против друга и четвертого претендента — России — со своей религией. Теперь это можно назвать «превентивным сдерживанием опасного соседа», что, конечно, не делало этого соседа ручным.

Российское государство к 1682–1700 гг. вышло из катастрофических последствий Смуты с точки зрения внутренней организации, сохранило границы, но потеряло время для развития — еще один век. В правление Софьи удалось стабилизировать внешнюю ситуацию с Польшей, подписав «Вечный мир» 1686 г. Но поражения В. Голицына на Перекопе свели

---

¹ Не был ратифицирован Польшей до 1711 г.

² Нечто вроде этого наблюдалось перед Первой мировой войной — франко-бельгийские технологии и капиталы шли в Россию для подготовки войны с Германией.

ситуацию к патовой. Усиление Швеции в Европе ослабило Польшу и поставило Швецию в традиционный конфликт с Англией.

Но, строго говоря, Россия выглядит обреченной на жизнь на периферии Европы. Вряд ли есть сомнения, что национальные историки имеют тенденцию рассматривать попытку выйти из неудобной колеи соседями как нарушение стабильности, ревизионизм и агрессию, тогда как аналогичные действия «своей стороны» чаще трактуются как защита традиций, вынужденная оборона и благородное поведение — исторических «защепок» всегда хватает на все варианты. Значительная часть жизни военного класса страны проходит на фронтире, и это влияет на социокультурные коды. И военные ориентиры эпохи Петра «до Полтавы» связаны с этим. Мы исходим из того, что огромная масса аграрного населения имела мировосприятие, определявшееся удаленностью поселений, тяжелой жизнью и информацией от православных священников. Это уже после Полтавы и формирования империи русский солдат оказался втянутым в европейские дела, как все остальные солдаты народов Европы того времени (хорошо хоть не в Тридцатилетней войне).

Структурные альтернативы Петра Первого по состоянию на 1700 г. можно представить следующим образом:

А. Царствовать по старине: Русское государство сохраняет позиции между тремя империями, власть Патриарха и положение бояр, продолжаются «циклические» войны по границам.

Б. Начать со структурных реформ на 20 лет: преобразования Думы и приказов (действующих со времен Ивана IV); формирования дворянства; расширения конкуренции у купечества и ремесленников; введения земского самоуправления и постепенного отхода от крепостничества (как в 1860-х гг.). При этом альтернативы разовому общему освобождению крестьянства нет — это подорвало бы материальную базу дворянства как военного класса. То есть это потребовало бы мира на поколения.

В. Реализовывать программу Ивана III рывком: руководствоваться концепцией Третьего Рима; пробить «окно в Европу» (через Османскую и/или Шведскую империю) для снижения потерь при экспорте и преодоления эмбарго на импорт технологий; военным путем снизить угрозы от двух империй (Османской и Польской), пробить «окно» и стабилизировать границу со Швецией.

Культурные коды населения России на XVII–XVIII вв. — беглый взгляд

Институциональный подход к прошлому, естественно, затруднен не только ограниченностью информации о состоянии умов пять–десять веков назад. Не меньшей проблемой стало, видимо, различие взглядов на российскую историю, огромный размах между ее героизацией в траги-

ческих тонах и противоположными тенденциями подачи истории страны как вечно отсталого и неудачного процесса.

С нашей точки зрения реформирование «кода» элит племен Русской лесостепной равнины стартовало с варяга, добавившего к своей лодке коня. В Западной Европе викинги освоили города и тяжелую кавалерию, а у нас — кавалерию, способную воевать с кочевниками. Военно-политическая история Руси (у нас нет места в этой работе на подробное осмысление развития культуры) — это походы в Византию, борьба с хазарами и в целом противостояние со Степью с регулярными наступлениями очередной орды из Азии. Потом резкий поворот к Византии — Крещение Руси в 988 г. Сформировалась следующая модель: бесконечные пограничные войны со Степью (форма вооруженного сосуществования). Заметим, что защита православной веры шла по своим границам, без участия в крестовых походах, но с обороной от давления католицизма (после Схизмы 1054 г.). Среди ключевых факторов жизни страны «со времен хазар» мы полагаем вечную войну на границе со Степью, означающую менталитет ожидания войны, походов, потерь, сложности создания и сохранения материального и духовного капитала, фатализм и самопожертвование на индивидуальном уровне. Оговоримся, что вынуждены в этой работе ограничиться тем реальным миром, в котором жили «господствующие классы», как сказали бы марксисты: князья, духовенство, дружины и какая-то часть купечества. Народное творчество, многие внутренние достижения: это еще и деревянное и каменное зодчество, былины и сказки, иконы и берестяные грамоты, республиканские правила Новгорода и законы Ярослава Мудрого, — мы, разумеется, почитаем. Много интересного для нас сейчас было в Москве и Великом Новгороде, но если поделить это на двести лет (XVI—XVII вв.), то окажется, что прогресс был невелик! Уникальная геополитическая конфигурация уводит к зрительному образу наших культурных кодов: «Три богатыря» на границе — вместе это заняло период как минимум от Аваров до Монголов — не как конкретный факт, а как демонстрация необходимости постоянного контроля границы.

Идея свободы в нашей традиции — это скорее «вольность». И в 1700-х гг. вольность — это независимость от всякого контроля, справедливость как равенство, казачество как путь выхода из-под тягот. Немногочисленное, разбросанное по территории дворянство, боярское правление — концентрация прав в Думе, старина как неспособность к адаптации, отсутствие вертикальных лифтов внутри старого режима — это ситуация наверху общества, означавшая феноменальную зависимость от личности царя.

Известный историк Б. Н. Миронов дает замечательную характеристику народным взглядам на общественные отношения, которая характерна во всяком случае для XVIII в., в частности зависимость, признание себя ниже барина: «В соответствии с “патриархальными понятиями” людей

подчиненный считал себя “темным человеком”, которого надо наставлять, и наказание считал наукой. Сказанное вовсе не означает, что народу были чужды понятие свободы, любовь и стремление к ней. **Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства** и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц. Народным идеалом служилое казацкое устройство, подразумевавшее полное самоуправление, решение всех вопросов на общем сходе, выборные власть и суд, полное равенство, уравнилельное распределение земли и прочей собственности между всеми. Подобное понимание свободы вступало в непримиримый конфликт с существующим общественным порядком...» (Миронов, 2003, с. 372).

Фактор открывшихся пространств на востоке, огромного поля и казацких анклавов на юге оставлял населению шанс «голосования ногами». В. Ключевский видел даже в XIX в. причины небрежности в быту в переселенческом менталитете. Он отмечает переселенческий характер страны и просторы (Ключевский, 1956, т. II, с. 71). Мы добавим Степь и казацкие войска вне боярского контроля — хоть далеко, но было куда бежать...

Код недоверия к будущему имел, по нашему мнению, простые основания: эксплуатация своими или грабеж чужими элементами всех видов в сочетании с войнами. В результате в состав кода входят небрежность и пренебрежительное отношение к материальному богатству, которое «не так жалко», если отнимут или сгорит... Добавим привычку к гибели, сгоранию или отъему активов как источнику фатализма, небрежности и готовности к движению дальше, а также упрямству при попытке заставить жить так, чтобы можно было держать за горло труженика. Отсюда и «красный петух» как простая доступная и радикальная форма освобождения от имущества (своего и чужого) и забот о нем. В этих условиях не может быть разговора про «расширенное воспроизводство» — удачей было бы и простое с типичными урожаями ржи в «сам-три».

Попытка приказного введения нового сложного института сталкивается с действующим культурным кодом — недоверием. Применительно к развитию торговли и промышленности «кумпанства» не пошли. «В 1699 г. Петр Великий предписал русским купцам торговать, как торгуют в других государствах, компаниями, складывая свои капиталы. Дело по непривычке и недостатку доверия шло туго» (Ключевский, 1956, т. III, с. 27). Но был и еще фактор — время, ведь остро встала необходимость быстро перевооружения, снабжения армии, строительства Петербурга и флота. Как выяснится потом, развитие уральской промышленности на базе крепостного права дало определенные результаты в XVIII в., но стало частью общего торможения социального развития. Но в целом, как пишут А. А. Аузан и Е. Н. Никишина (2021, с. 94): «Классический пример культурных сдвигов будет о России. Это петровские реформы, смена прежнего уклада, “прорубание” окна в Европу».

Критика реформ Петра Первого в этом аспекте идет только с позиции XX—XXI вв. Продолжение вращения страны между трех империй без прямого выхода к морской торговле должно рассматриваться как неизбежная составляющая альтернативы Северной войне или проигрышу войны. И в этом случае «эволюционный» путь модернизации страны мог занять неопределенно много времени и с большими внешнеполитическими рисками и препятствиями, так что вопрос отставания должен оцениваться с учетом низкой скорости развития в «кольцевой колее». Идея перестроить культурные коды москвитов, «не выходя» из кольцевой колеи, представляется мало перспективной. Петр пытался заставить население царства жить иначе, но пределы возможной быстрой перестройки культурных кодов серьезно ограничивали его возможности, даже если бы он ставил себе такую задачу.

Спонтанный запуск проекта «Война и Реформы»

Периодизация собственно эпохи Петра может выглядеть следующим образом:

- до 1698 г. — взятие Азова, конфликт с Османской империей и Великое посольство (включившее поиск союза против турок);
- неудачный старт Северной войны и вынужденная оборонительная стратегия 1700—1709 гг.;
- трудная реализация военного успеха в 1710—1715 гг.;
- победа в войне и сокрушение Шведской империи в сочетании с внутренними реформами, ознаменовавшие основание своей империи, в 1715—1723 гг.

Ранний период деятельности Петра внутри страны — это утверждение своей власти и подавление оппозиции, демонстрация жесткости и монополии на насилие. Интерес Петра Первого к внешнему миру, любопытство, включение иностранцев и компании вокруг Меншикова в процесс управления обусловили некоторое накопление опыта взаимодействия с этим внешним миром. Но до 28-летнего возраста речь идет о накоплении знаний при сохранении старой внешней политики: Азовских походов во главе еще старой армии, хотя и с потешными полками и первыми кораблями.

Война со Швецией — строго говоря, это авантюра с негодными командными кадрами и старой армией, а период от 22 февраля 1700 г. до июня 1709 г., или от Нарвы до Полтавы — это оборонительная война. Петр поставил первым приоритетом «окно», чтобы наладить торговлю и трансферт технологий и ноу-хау, что указывает на выбор в пользу модернизации вместо традиционного лобового столкновения со слабеющей, но опасной Речью Посполитой.

Выход к портам Балтийского залива — это кампания осени 1713 г. — зимы 1714 г. (Рига, Ревель, потом финские порты). Развитие в этот период

нового города на болоте по примеру Амстердама — Санкт-Петербурга — имело как символическое значение, так и предоставляло запасной порт на случай провала войны. От Полтавской победы до Ништадского мира прошла смена целей войны, а также были осуществлены шаги по модернизации управления и экономики для Империи де-факто, потом де-юре. Южное направление было отложено до Екатерины Великой.

Стоит отметить несколько военно-политических катастроф вне России, которые несколько «улучшили» внешние условия. Ослабив конкурентов, они дали России время для залечивания ран, т.е. для накапливания ресурсов при низкой производительности:

- а) Тридцатилетняя война, которая дала Европе ужасное разорительное занятие с 1618 г. до Вестфальского мира;
- б) укрепление внутренних настроений среди знати и шляхты в Речи Посполитой, особенно «либерум вето» и давление на православие (при Сигизмунде II);
- в) Украинская Руина, Переяславская Рада и укрепление Левобережной Украины за Россией, которые означали для России стратегические приобретения с выходом к причерноморским степям;
- г) ослабление Турции с провалом осады Вены в 1684 г. значило также концентрацию европейских ресурсов на противнике с юга с надеждой втянуть Россию в масштабную войну с Турцией;
- д) 90-летняя военная гегемония Швеции в Северной, Центральной и Восточной Европе, продолжавшаяся от Густава Адольфа Ваза («Ледяной король») до Карла XII Ваза, которая также дала время России немного укрепиться.

Однако этих возможностей было недостаточно для решения проблемы безопасности: прекращения войн по западной границе страны. Нерешенные проблемы страны после минимального освоения Урала и закрепления в Сибири включали:

- а) проблемы с престолонаследием каждые два поколения. Неустойчивость династий при множестве жен, плохом здоровье царей и наследников и плохой медицине случалась каждые полвека;
- б) боярский контроль над государственными делами с местничеством и интригами;
- в) высокие военные издержки, обусловленные частотой войн: за Крым, против Швеции и Польши, а также незабытой Смутой;
- г) большие потери ренты при экспорте через посредников и неустойчивость поставок импортных товаров через Балтику;
- д) дворянская армия со стрельцами, которая в XVIII в. была бы гарантией прежнего чередования побед и поражений;
- е) экспорт сырья — импорт товаров для армии и боярского, купеческого, дворянского потребления;
- ж) отсутствие массового производства металлов и, соответственно, вооружений;

- з) слабые государственные финансы и бедность населения;
- и) неудовлетворительная транспортная инфраструктура, внутренняя и портовая (только Архангельск).

Нужен был выход из «кольцевой колеи», т.е. временной интервал, в котором при сочетании внешних относительно благоприятных факторов можно было осуществить «прорубание окна в Европу». Для России это было выгодно: эффект от «окна» дает повышение экспортных доходов за счет снятия ренты посредников. Конкуренция со стороны импортных товаров сдерживала бы внутреннее производство, но не на стартовом моменте, когда требовалось импортировать товары, которые не производились в стране или производились в недостаточном объеме. Более того, конкуренция экспортеров товаров и услуг извне давала определенные выигрыши импортеру (с элементами монополии).

Наблюдаемые сдвиги и средства их достижения

Северная война шла по мере формирования армии и флота, которые надо было обеспечивать людьми, финансами, вооружениями. Первое и основное направление деятельности Петра Первого — война и армия. Мы оставляем историкам и экономистам все детали рекрутских наборов, найма иностранных офицеров и специалистов, конфискацию колоколов после потери артиллерии под Нарвой в 1700 г. и формирование уральской военно-промышленной базы. Армия несла потери, плюс, как мы знаем, большие потери рекрутов были в полках (из-за болезней и плохого содержания), а также на строительстве Санкт-Петербурга и каналов.

Формирование двухсоттысячной армии означало мобилизацию полупроцента населения в начале XVIII в., что сопоставимо с ситуацией 1900 г. (Григорьев, Морозкина, 2021, с. 55). Суммарная численность войск была огромной и явно превышала армии «мирного времени» в боярской России: «К концу царствования Петра регулярная армия насчитывала в своих рядах более 200 тысяч солдат всех родов войск и свыше 100 тысяч нерегулярной казачьей конницы и калмыцкой кавалерии. Для 13 млн населения петровской России это было тяжелое бремя — содержать и кормить такое многочисленное войско. По смете, составленной в 1710 г., на содержание полевой армии, гарнизонов и флота, на артиллерию и другие военные расходы шло немногим более трех миллионов рублей, тогда как на остальные нужды казна тратила только 800 тысяч с небольшим: войско поглощало 78% всего бюджета расходов» (История России. Налоги и финансы России при Петре Великом, 1954). «К 1724 г. их насчитывалось уже 8,52 млн руб.» (ИНФОРМАРУС).

Деловая оценка результатов деятельности Петра со стороны британцев носит почти восторженный характер, особенно армии: «В 1724 г.

она эффективно насчитывала 131,400 пехоты и 38,400 кавалерии, блестяще натренированной и экипированной ... Издержки на армию составляли 4 миллиона рублей в год, что было основной статьёй бюджета России» (Britannica, 2022). Армия и флот требовали снабжения и финансирования — вряд ли нужно повторять здесь, что стране это было тяжело, а с учетом коррупции — очень тяжело. Для порядка отметим, что это выглядит большой нормой, но в Европе тоже были подобные параметры военных бюджетов (Eloganta, 2005). Гигантские военные бюджеты как основные элементы расходов стран, за исключением расходов на содержание двора, были нормой. Есть оценки для Британской империи: «...в период 1685–1813 гг. средняя доля английского оборонного бюджета составляла 74,6 процента, никогда не опускаясь ниже 55 процентов за указанный период. Несмотря на числа Тридцатилетняя война была конфликтом напрямую сопоставимым с мировыми войнами в терминах разрушений. Например, Шарль Тилли оценил боевые потери выше двух миллионов человек» (Ibid).

Старт Северной войны был плачевным для России. Контраст между лучшей армией Европы и королем Карлом против конгломерата разнородных войск с плохим управлением был громадным. Фактически только «потешные» в своей основе полки выдержали пробу огнем. В дальнейшем именно они играли разнообразные роли от функций гвардии с парадами и охранными полномочиями, опоры линии армии (или резерва) на поле боя до спецназа и морского десанта. И начали они это делать это спустя десятилетие после изобретения этой потехи царевича Петра. Остается гадать, понимал ли будущий император функции потешных войск изначально только как форму развлечения, или же он и его окружение подумывали о будущей роли специальных частей. Состояние войны было «нормальным» для великих держав XVII–XVIII вв., так что российская ситуация в этом отношении выделяется главным образом переходом от оборонительных войн к активным наступательным действиям против традиционных империй.

Начав с четырех добротных полков плюс дворянской конницы, Петр достиг уровня боеспособной армии через восемь лет — к битве при Лесной. И в разнородных столкновениях с частями шведской армии российские подразделения в основном уже побеждали, хотя не без помощи превосходящей численности. Армия с ее солдатами, офицерами и генералами, которая одерживает серию побед, приобретает уверенность, кураж и адекватность обстановке (это тоже важные социально-психологические коды). Реформы государственного управления нуждались в кадрах, и гвардия становится кузницей кадров.

Страны воевали растущими армиями, причем российская выглядит большой потому, что польские и турецкие войска не учтены (табл. 1).

Размер европейских армий, 1470–1814 гг. (тыс. человек)

Годы	Франция	Испания	Нидерланды	Великобритания	Швеция	Россия
1630-е	150	300	50	—	45	35
1650-е	100	100	29	70	70	—
1670-е	120	70	110	15	63	130
1700-е	400	50	100	87	100	170
1812–14	600	—	—	250	—	500

Источник: (Maddison, 2001, p. 81).

За подготовкой армии к борьбе с тремя империями стоит финансовая мобилизация внутренних ресурсов: заказы вооружения, обмундирования, лошадей и т.д. Параллельно шло строительство Санкт-Петербурга, которое представляло собой гигантское отвлечение ресурсов от остальной страны, долгосрочный проект, урбанистическую новацию для Руси и важнейший инженерный эксперимент.

Петру не удалось на ранней стадии войны взять Нарву и Ригу, чтобы открыть традиционное «окно в Европу», а на разгром Шведской империи тогда рассчитывать было бы странно. Так что был запущен в дело «план создания Окна», причем издержки создания нового порта и столицы были огромными. Но к 1723 г. Санкт-Петербург — это уже лицо Империи! Создание «города царской мечты», «Амстердама» в устье Невы на болоте, имело стратегическое и символическое значение. Петербург — это, видимо, первая столица, созданная в Новое время для изменения характера управления, обновления кадров, смещения центров роста и иных стратегических задач. И это способ перевоспитания населения, значительный толчок градостроительству, ремеслам, разработке ресурсов, каналам и дорогам. Петербург — первый в мире урбанистический драйвер для страны, хотя в ущерб другим городам на поколение. Но ремесла там уже другие — это не оборонительные стены, а каналы, дворцы, искусство, роскошь. Задом — что немаловажно — государственная служба отрывалась от старой боярской бюрократии и их московских кадров. Налоговая реформа дала средства, хотя тяжело досталась населению, сократив, по всей видимости, и личное потребление, и гражданское строительство по стране: с полутора миллионов рублей собранных налогов в 1680 г. до восьми с половиной в 1724 г. (ИНФОРМАРУС).

Налоги собирались с трудом, частично разворовывались. Тяжело досталось купцам, которые занимались традиционной (по сути внешней) торговлей от Сибири до Европы через Архангельск или Ригу. Они были естественным объектом налогового давления и оскудели. Одновременно богатели те элементы купечества, которые двинулись в военную промыш-

ленность, обеспечение армии и флота на госзаказах. Денежная аристократия росла на откупах. Первоначальное накопление в военных и обеспечивающих отраслях легло на бюджет, способствуя обогащению Демидовых и Строгановых. Институциональное решение оказалось под руками — это крепостная промышленность при иностранных мастерах. А. А. Аузан и Е. Н. Никишина отмечают (2021, с. 139): «Попытки преобразования — например, реформы Петра I — давали определенные эффекты, но в них была одна удивительная особенность. В противоположность похожим меркантилистским реформам Кольбера во Франции крепостничество используется для реформ».

Здесь мы вынуждены, при полном отсутствии у нас склонности к крепостничеству как к человеческому институту или институту развития, дать минимум три ремарки. Петром решалась проблема снабжения армии во время войны и выбор средств был невелик. Франция к периоду меркантилизма Кольбера давно рассталась с крепостным правом — простой перенос институтов был невозможен (как и в конце XX в.). Потом это негативно скажется на развитии, но в тот момент концентрация ресурсов вольным наймом вряд ли сработала бы — или это предмет отдельного анализа. Важным стало самообеспечение вооружениями и снаряжением — отсюда мануфактуры, основанные на крепостных и иностранных специалистах, но дававшие товары и опыт (История России. Налоги и финансы России при Петре Великом, 1954).

Процесс рекрутирования солдат, выдвижения младших командиров, перераспределения кадров через гвардейские («потешные» и прочие) полки сопровождался огромной смертностью не только на поле боя, но в казармах рекрутов, на строительстве. Вел ли этот процесс к подрыву демографического воспроизводства, гибели производительного населения — это вопрос отношения к содержанию и результатам войн и реформ Петра Первого: это чрезмерно высокие издержки по сравнению с возможными при более человеческом и рациональном отношении к людям. В те жестокие времена ждатель человечесности от монополиста на насилие хотелось бы тем, кто стремится несколько приукрасить образ Петра Великого и затенить его беспощадность к простым людям.

«Некоторые эпохи... были поистине роковыми для нас. Одной из них является эпоха Петра, “мироеда, переевшего весь мир”... Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это и сказалось в усилении рабства, в столетнем топтании на месте культурного развития масс и во многом другом, вплоть до нашего времени. ... всей нашей историей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма» (Сорокин, 2008, с. 106).

Нам кажется несколько чрезмерной негативная трактовка Питирима Сорокина, которую мы приводим для полноты картины и из уважения к великому ученому. Что касается самой дискуссии по демографии периода царствования Петра Первого, то быстрый рост населения

Империи в XVIII в. скорее свидетельствует о сохранении демографической базы, по сопоставимым переписям: в 1678 г. — это 11,2 млн человек; 1719 г. — 15,6 млн; 1762 г. — 23,2 млн (Миронов, 2003, с. 20). Представляется важным напомнить, что в предыдущие века огромные военные потери (при поражениях), массовые угоны пленных, тяжелые длительные войны на территории Московии с разгромами городов и потерями гражданского населения должны быть учтены как ликвидированные негативные демографические факторы при анализе последствий деятельности Петра Первого.

Итоги двадцати лет войны и новые структурные альтернативы

Начало правления Петра отличалось не столько значительным образованием и интересом во всему западному. В первый период (до 1700 г.) он отличался огромной жизненной энергией, любопытством к военному делу и свободной жизни в селе Преображенском вне давления двора и бояр. К последнему его выталкивали династическая борьба и фактическое отстранение от престола (со страхом за свою жизнь) до 17 лет (т.е. до 1689 г.). Сначала надо было выжить и сформировать личный социопсихологический код — код самодержца, монополиста на насилие и человека, дающего достоверные обещания. Его он сформировал и предъявил во время стрелецких бунтов и заговоров сестры. Колебания по этому пункту были бы самоубийственны в нашем Отечестве. Природное любопытство и знакомство с Европой в 24–25 лет от роду еще не сделало из него реформатора.

Возникает ключевой вопрос: кто Петр Первый — это предприниматель по Шумпетеру, т.е. субъект, который вырывает хозяйство из рыночного оборота, переводит его в русло экономического развития и преодолевает транзакционные издержки? Тогда «окно в Европу» надо рассматривать как способ начать торговать, улучшать благосостояние. И он создал потенциальную возможность для этого. Или же Петр I — царь, который заложил основы жесткого абсолютизма и экстрактивных институтов, вступивших в российский случае в противоречие с экономическими институтами, способными привести к росту благосостояния населения в долгосрочном плане? Поскольку крепостное право — черта абсолютизма — оно существенно затрудняло создание свободного рынка, что, в свою очередь, не допускало значительную часть крестьянского населения участвовать в выдвижении идей и внедрении технологий. Он начал создание системы, в котором за XVIII в. образовался страх элитарных групп перед созидательным разрушением. Как пишут Дж. Робинсон и Д. Аджемоглу, «в российских придворных кругах преобладал страх перед созидательным разрушением, которое могло быть порождено развитием промышленности и железных дорог. В царствование Николая I выразителем подобных настроений был граф Егор Канкрин, занимавший

пост министра финансов в 1823–1844 гг. Канкрин сыграл ведущую роль в противостоянии изменениям в обществе, которые открыли бы путь к экономическому процветанию. ... Взгляды Канкринина были продиктованы страхом, что экономические изменения повлекут за собой изменения политические, и тех же воззрений придерживался и царь Николай» (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 492–493). Фактически речь идет о застое времен Николая I, который действительно потерял для развития нашей страны два поколения. Но мы полагаем, что Петр I дал шанс стране, но не мог в условиях войны и не имел времени после нее реформировать социально-экономическую сферу. Этой задачи у него не было — он свои проблемы решил и несправедливо «вешать» на него ответственность за провалы последующих поколений.

В ходе петровских реформ фактор времени стал сказываться к концу его царствования — постепенно пошел подбор кадров, от генералов вниз, и за 20 лет в этот процесс включилось уже и среднее звено. Уже в 1709–1714 гг. заметен рост ролей русских генералов: А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, Ф. М. Апраксина, М. М. Голицына. Новые люди (в частности из «простых») в управлении страной, оказавшись среди бояр, купцов и иностранцев, во многом оказались подвержены греху коррупции. Но и «старые» воровали в связи с ростом бюджета и военных заказов, как и в Европе. «Новым деятелям» хотелось встать в систему аристократии.

Россия переформатировалась в холеричную, бросающуюся во все стороны империю. Ни сам царь, ни его окружение и армейская, управляющая элита вплоть до Ништадского мира не могли быть уверены в успехе войны (что и показал Прутский поход). Но задачи все время менялись и усложнялись: новые немецкие (по населению) города в Прибалтике, уральские заводы; национальные образования на Волге и Урале; расширение состава профессиональных военных, рекрутированные иностранцы... Состав вольных или невольных носителей преобразований формировался четверть века при жизни Петра.

По ходу дела — примерно к 1715 г. — реформы стали меняться на более систематические внутри, а внешние задачи окончательно ушли от обороны границ (с отложенной проблемой еще открытого нападения Юга). Оборонительная патриотическая война за обеспечение мира по границам и за «окно» в Европу превращалась во внешнюю экспансию. Усилия по формированию армии после Нарвы, серия частных побед не гарантировали общего успеха, победы над лучшей армией Европы во главе с гением. Ослабление армии Карла XII в России за зиму 1708–1709 гг. было важным фактором поражения под Полтавой, но туда еще надо было пройти длинный путь. В какой-то мере фактор предательства Мазепы сыграл важную роль в маршруте Карла XII с армией к военной катастрофе. Карл XII прошел к своему разгрому единственным путем: непрерывная война в Польше; необязательное вторжение в Россию; потеря обоза неудачника

Левенгаупта; сожженные припасы в Батурине; зимовка в 30-градусные морозы в лесу всей армией. Если бы предательства Мазепы не было — его надо было придумать.

Фактические результаты Полтавы — успех военной реформы, но в более глобальном смысле эта выигранная битва, фантастическая по значению своих последствий для истории России, Швеции и Европы (да и всего мира). Она стала доказательством успеха реформ и усилий царя и общества, фактически сданным экзаменом. И не в конце дня битвы, а только после капитуляции армии, бегства короля Карла стало ясно, что основная задача — прорубание «окна» — действительно может быть не только выполнена, но и «перевыполнена».

Полтава и военные шаги на Юге и в Прибалтике в 1709–1715 гг. меняли ситуацию в государстве. Менялись социально-психологические коды российской элиты и служивого дворянства, менялись навсегда. И путь от царства к империи уже потребовал — в 1715–1723 гг. — гражданских реформ. «Перекодировка» шла сверху вниз, по мере и степени вовлеченности общественности групп и слоев в активную жизнь. В эти два периода внутренние реформы охватили многие области жизни, что включало копирование шведского опыта. Создание Сената, табель о рангах и обязательная служба дворян — вот система перекодировки. Петр осваивал новые территории страны и готовился стать не просто Царем Московским с большой гордыней и территорией, но опасными границами и соседями. Он уже помазанник Божий и, возможно, вспоминал Византийского Кесаря, но Константинополь пришлось отложить на будущее. Через два с половиной века после падения Константинополя Петр стал императором православной империи.

Ништадтский мир 1721 г. и коронация 1723 г. — уже только оформление и закрепление смены социально-культурных кодов, реформ успешных и не состоявшихся. Это означало появление новых кодов двора, знати, дворянства, армии — коды победителей империй, генералов и битв. За 20 лет он создал империю, решил проблемы страны, как их понимали политические элиты ведущих стран в «Век Разума». Вряд ли он мог успеть за два десятилетия войн с империями еще и гражданское общество насадить, образование и науку поднять до европейского уровня. Но ведь через сто лет многое смогли перенять и развить — а там и Пушкин пришел. Петру удалось главное: прекратить на сто лет войны на территории Руси; задействовать уральские ресурсы; построить Санкт-Петербург — первую новую столицу с таким размахом в Европе; соблазнить боярскую элиту и дворянство на строительство империи; внедрить массу способных людей в управление; провести административные реформы, которые дали расширение служивого класса через обязательность службы (новый код) вместо вызовов в походы; подтолкнуть торговлю и ремесла за счет спроса со стороны государства и дворян; привлечь технологии и учителей с Запада, что обес-

печило толчок к образованию; осуществить первоначальное накопление капитала через государственные заказы (с элементами монополии) и привилегии. Экономические институты рынка получили стимул к развитию рыночного хозяйства, хотя полномасштабный поворот к нему еще не состоялся... А приспособление крепостного права в промышленности стало технократическим институтом мобилизации экономических ресурсов, но социальным тормозом развития в будущем. В истории так бывает — например, Декларация независимости США не отменила рабство из текущих политических соображений, что сказывается до сих пор.

Петру не удалось многое: создать устойчивую систему престолонаследия; новую аристократию с ориентацией на модернизацию ближе к Европе, а не только на развитие империи... Он не смог прикрыть южные границы (Крым и степь); а огромные людские потери и финансовые издержки означали, что продолжение модернизации осталось «неустойчивым»; не удалось быстро восстановить и развить купечество. Крепостное право стало средством мобилизации экономики, и роль его затянулась, к сожалению, надолго, как и коррупция новых людей во власти, что стало следствием быстрого приобретения этого кода.

Выводы и соображения

Историческое окно возможностей может появиться, но нужно его узнать и использовать — «поймать» момент. Из окружения трех империй вырваться можно при полном напряжении сил. Противники делают ошибки, но неизвестно какие, где и когда — искусство угадать для лидера, видимо, важнее чисто полководческих талантов. Империи создаются харизматическими лидерами и авантюристами, потом приходят бюрократы и аристократы и осваивают бенефиции. Петр Первый решил проблему выхода из прежней «кольцевой колеи» и создал новые возможности развития для потомков. Структурные альтернативы Петра Первого на момент коронации его императором представляются следующими:

А. Назначить прогрессивного наследника, реорганизовать Сенат, образовать Палату Купцов с правом обсуждать бюджет, начать массовое образование, свободу торговли, начать освобождать крестьян ... и далее следовать по списку прогресса (как во время реформ 1860-х гг.).

Б. Замкнуться на идее Третьего Рима и двинуть армии на Константинополь вместе с Европой или без нее, чтобы победить все соседние империи сразу.

В. Создав империю, дать ей созреть самой, добывая две соседние империи (при временной ничьей с третьей). Учитывая усталость от преобразований, сытость элит и нехватку кадров, неясность «образа будущего» (копирование других империй?). В этом случае предстояло ждать 40 лет, пока Екатерина Великая не вернулась к стратегическому планированию.

Эволюционный путь движения к Европе путем постепенного накопления цивилизации без «окна» в оную Европу и при продолжении постоянных войн на границах с тремя империями был невозможен — этой структурной альтернативы не было ни до, ни после Северной войны в период жизни Реформатора. Упреки Петру Первому на сей счет можно посчитать за «маниловщину» — мол, почему он не создал новую систему европейских институтов: сидят на мосту мужики в лавках и конкурируют между собой качеством товаров в честной торговле разным полезным товаром — а бояре, по мосту гуляючи, прячут в рукавах своих бобровых шуб невидимые руки Адама Смита.

Старту идей Василия Голицына по освобождению крестьян помешало два «отсутствия»: поддержки элиты и побед в Крыму. Но при радикальной трансформации, ведь реформа 1861 г. была довольно продуманной (Васильев, 2021, с. 20), непонятно было бы, как перестроить одновременно систему собственности, налоговую систему, обеспечение призыва дворян в армию и т.п. в 1700 г. Бедная страна должна была бы содержать армию в процессе ликвидации дворянского владения крестьянами. Самодержавие могло не выдерживать такого эксперимента над своим военным классом во время войны — Смута была всем памятна.

Исходный набор социокультурных кодов у населения в России был крайне далек от того, что вывел бы на устойчивое развитие эволюционным путем. Скорее коды (вроде мечты о «вольности») были тогда большой проблемой для реформ, чем подспорьем. Команду надо готовить заранее, хотя бы потешную, а в остальном приходится импровизировать — и для этого крайне важны вертикальные лифты.

Поражения учат инновациям и гибкости, а большие перспективы меняют людей, которые не мечтали стать маршалами в стране, где командовали родовитые бояре, но не было маршалов! Тяжелый кризис — 20 лет войны — перекодировал активных участников истории, но по-разному: элиты, дворян и служивый класс подвергаются этому процессу намного интенсивнее, чем сельское население.

Победы не гарантируют долгосрочные выигрыши! Сокрушив Шведскую империю, вложившись в сокрушение Польской империи, проиграв битву Османской империи, Россия вышла в трудный период адаптации к новым ролям и временам. Петр Первый решил проблему выхода из «кольцевой колеи», но фундаментальные экономические реформы берут время. Характер институтов собственности и рынка на старте определяют будущее надолго. И социокультурные коды при Петре Первом изменились от боярской стагнации к имперской активности, но еще не к инновациям в духе режима открытого доступа по Д. Норт (Норт и др., 2011). Ответственность за последующее развитие на него целиком не возложишь — он дал шанс, потомки распорядились им не слишком удачно.

Социально-экономические преобразования петровской эпохи решали главную задачу — победу в войне. Но они создали промышленность на базе крепостного права, расширили служивые слои и новую аристократию из старых бояр, новых «назначенцев» и аристократии откупов. Но это реалии эпохи. Они создали военно-промышленный комплекс, достаточный для борьбы с соседними империями. Петровская модернизация имела ограниченную стартовую целевую установку, «перевыполнила» ее и закрепила «не самые прогрессивные» институты собственности, которые потом трудно было изменить.

Царь Петр Первый настолько знаменит Полтавой, Петербургом и империей, что трудно оценивать его деятельность в рамках современных скучных концепций: догоняющее, устойчивое или неустойчивое развитие, институты развития, легитимизация наследия и т.п. Поэтому мы пошли другим путем: что объективно стояло на повестке дня России к 1700 г. и каковы были структурные альтернативы. Государство и общество прошли гигантскую трансформацию за одно поколение. И Россия внезапно сама стала империей со всеми вытекающими из этого последствиями. Социокультурные коды аристократии и дворянства изменились на следующие двести лет. Петр был царь и модернизацию проводил по-царски: как абсолютный монарх в пределах своего понимания приоритетов страны и институциональных механизмов достижения целей.

Список литературы

Аджемоглу, Д., & Робинсон, Дж. А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.

Аузан, А. А., & Никишина, Е. Н. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций*. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Беспалов, А. В. (2022). *Россия в Северной войне. Крах шведского великодержавия. 1709–1721*. М.: Вече.

Васильев, С. А. (2021). *Крестьянская реформа в России. Леонтьевский центр*. <https://leontief-centre.ru/book137>

Григорьев, Л., & Морозкина, А. (2021). *Успешная неустойчивая индустриализация мира, 1880–1913*. М.-СПб.: Нестор-История.

Зимин, А. А. (1982). *Россия времен Ивана Грозного*. М.: Наука.

ИНФОРМАРУС. *Экономические реформы Петра I Великого — развитие экономики и промышленности. Петр I Великий*. Дата обращения 09.01.2023, <https://petr1.рус/реформы/экономические/>

История России. Налоги и финансы России при Петре Великом. (1954). *Очерки истории СССР. Россия в первой четверти 18 века*. Институт Истории. М.: Издательство Академии наук СССР. Дата обращения 12.12.2022, <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-12-nalogi-finansy-pri-petre-1/9.htm>

Ключевский, В. О. (1956). *Сочинения*. В 8 т. Т. 1: Курс Русской истории. М.: Мысль.

Миронов, Б. Н. (2003). *Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.)*. В 2 т. Т. I. СПб.: Дмитрий Буланин.

Новодворский, В. (1904). *Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582)*. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.

Норт, Д., Уоллис, Дж., & Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара

Пропп, В. (2021). *Русский героический эпос*. М.: КоЛиБри.

Сорокин, П. А. (2008). *Экономист. Избранное. 1921–1922*. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Хорошкевич, Л. А. (1980). *Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.*: Наука.

Acemoglu, D. (2009). *Introduction to Modern Economic Growth*. New Jersey: Princeton University Press, 19.

Britannica. (2022). *Russian Empire. The reign of Peter the Great*. Retrieved October 23, 2023, from <https://www.britannica.com/place/Russian-Empire/The-reign-of-Peter-the-Great>

Eloranta, J. (2005). Military Spending Patterns in History. *Economic History Association Encyclopedia*. Retrieved January 13, 2023, from <https://eh.net/encyclopedia/military-spending-patterns-in-history/>

Maddison, A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: Development Center of the Organization for Economic Cooperation and Development.

Tilly, C. (1990). *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Cambridge: Basil Blackwell.

References

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2015). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. М.: AST.

Auzan, A. A., & Nikishina, E. N. (2021). *Sociocultural Economics: How Culture Influences the Economy, and Economics Influences Culture: A Course of Lectures*. М.: Ekonomicheskij fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova.

Bespalov, A. V. (2022). *Russia in the Northern War. The collapse of the Swedish great power. 1709–1721*. М.: Veche.

Grigoryev, L., & Morozkina, A. (2021). *The successful unsustainable industrialization of the world, 1880–1913*. М.-St. Petersburg: Nestor-Istorija.

Horoshkevich, L. A. (1980). *The Russian state in the system of international relations of the late XV — early XVI century*. М.: Nauka.

INFORMARUS. Economic reforms of Peter I the Great — the development of the economy and industry. Peter I the Great. Retrieved September 1, 2023, from <https://petr1.rus/reforms/economic/>

Kljuchevskij, V. O. (1956). *Russian history course*. М.: Mysl.

Mironov, B. N. (2003). *Social history of Russia in the period of the Empire (XVIII — early XX century)*. Vol. I. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin.

North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind*. М.: Izd-vo Instituta Gajdara

Novodvorskiy, V. (1904). *The fight for Livonia between Moscow and the Commonwealth (1570–1582)*. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorohodova.

Propp, V. (2021). *Russian heroic epic*. М.: КоЛиБри.

Russian history. Taxes and finances of Russia under Peter the Great. (1954). *Oчерки istorii SSSR. Rossiya v pervoj chetverti 18 veka*. Institut Istorii. М.: Izdatel'stvo Akademii

nauk SSSR. Bibliotekar'. Retrieved December 11, 2022, from <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-12-nalogi-finansy-pri-petre-1/9.htm>

Sorokin, P. A. (2008). *Economist. Selected. 1921–1922*. M.: Publishing House “Territorija budushhego”.

Vasiliev, S. A. (2021). *Peasant reform in Russia*. Leontief Center. <https://leontief-centre.ru/book137>

Zimin, A. A. (1982). *Russia under Ivan the Terrible*. M.: Nauka.